

Сказав это, человек опустил железную лопату, присел у гроба и, протянув руку, начал небрежно шарить внутри, словно ища что-то.

Не найдя ничего, он ткнул пальцем в неподвижного Тан Шаотана, слегка нахмутив красивые брови:

— Калека?

Затем надавил на его руки и ноги — несильно, но достаточно, чтобы сделать вывод:

— Кажется, ещё можно вылечить.

Присев на гроб и подперев голову рукой, он на мгновение задумался, пробормотав:

— Я столько сил потратил, чтобы добраться сюда в надежде на удачу. А вместо серебра нашёл только тебя, ожившего мертвеца. Вот невезение.

Молодой человек в простой одежде встал, собираясь уйти.

Тан Шаотан, всё ещё обессиленный, не мог говорить. Слабый свет в его глазах погас, едва юноша повернулся.

Он закрыл глаза, насмехаясь над собственной нелепой надеждой.

Но тут юноша внезапно обернулся, наклонился, протянул руку и вытащил его из гроба, принявшись безостановочно бормотать себе под нос.

— Передумал. В такую тёмную ночь не могу просто так уйти, потратив целый вечер впустую.

— Раз уж серебра не нашёл, возьму тебя вместо него.

Его ладони были прохладными — видимо, он долго пробыл на холоде.

Именно эти прохладные руки вытащили Тан Шаотана из мрачного гроба.

Вырвали из царства мёртвых и вернули в мир живых.

На рассвете юноша гордо объявил:

— Запомни: сегодня я, А Цзю, спас тебя. Когда-нибудь ты должен будешь отплатить мне за это.

Тан Шаотан: «...»

— Эй, слышишь? Скажи что-нибудь. Или ты ещё и немой?

А Цзю наклонился и без церемоний хлопнул его по лицу, проверяя реакцию.

Тан Шаотан: «...»

Его тело не слушалось, лицо от потери крови было белым, словно покрытое инеем. А Цзю вытащил его из гроба, будто ожившего мертвеца, которого заставили трудиться.

А Цзю, заметив его едва живую внешность, наконец перестал шутить, подхватил его и быстро зашагал вперёд, неся на спине.

— Какой ты лёгкий, — бормотал он на ходу.

— Красивый, как девушка, да ещё и невесомый. Наверное, в борделе за тебя дали бы хорошую цену.

Человек на спине слегка дёрнулся, и А Цзю поспешил успокоить:

— Шучу, шучу. Пусть родные выкупят тебя. Должны же они хотя бы компенсировать мне расходы на дорогу и врача.

Тан Шаотан: «...»

Родные...

Он вырос в Павильоне Радужных Одежд — это и был его дом.

А семья...

Удалось ли Цюй Цзюаньцзюань, с которой они вместе попали в беду, благополучно сбежать? Жива ли она?

Тан Шаотан начал учиться владеть мечом в пять лет, и за более чем десять лет из всех убийц, которых он знал, в живых осталась лишь Цюй Цзюаньцзюань. Он надеялся, что она продолжит жить.

Но даже если они выживут, дома у них больше не было.

Задание провалилось. Они даже не встретились с главой Павильона Ушоу и не добыли никакой ценной информации. Если начальник узнает, что они живы, вряд ли пошлёт кого-то на помощь.

Железное правило Павильона Радужных Одежд: проваливший задание должен умереть.

Если кто-то и придёт из «дома», то лишь для расправы.

И, вероятно, уничтожат всех, кто с ним связан.

Тан Шаотан: «...»

В сердце закрался холод.

Лучше умереть, чем ждать, пока Павильон Радужных Одежд начнёт охоту...

Он опустил голову, подбородок лёг на шею А Цзю слева. Убийцы, обученные в Павильоне Радужных Одежд, умели лишать жизни даже в самых безнадежных условиях.

Даже недвижимый и обессиленный, он мог бы перекусить артерию и убить.

А Цзю:

— Эй, ты ещё жив? Я с трудом тебя спас, не вздумай умирать. Держись, чёрт возьми! Может, расскажу историю, чтобы развеяться?

Тан Шаотан, лёжа на спине А Цзю, слушал его невыполнимые просьбы и бесконечный поток слов, пока остатки убийственного настроения постепенно таяли.

Рядом с ним никогда не было такого оживлённого человека, способного без остановки болтать, словно один разыгрывающий целый спектакль. Тепло живого тела передавалось через простую одежду А Цзю, рассеивая лёгкий холод, лишь начавший сковывать сердце. Тан Шаотан был ошеломлён, и после мгновенного отвлечения снова потерял сознание на спине А Цзю.

Вскоре поток слов, окружавший Тан Шаотана, внезапно оборвался.

«А Цзю» остановился, без выражения взглянул на спящее лицо Тан Шаотана, собрал ци и рванул вперёд.

Его движения стали странными, неуловимыми, совершенно непохожими на прежние.

Тан Шаотан открыл тяжёлые веки. В конце взгляда оказался незнакомый потолок, в углу висела паутина, словно здесь давно никто не жил. Одеяло, накрывавшее его, было грубым, но чистым, пахло солнцем — так уютно, что хотелось снова уснуть. Осторожно пошевелив конечностями, он обнаружил, что пальцы уже могут сгибаться: вывихнутые руки, видимо, вправили. Левая нога всё ещё была сломана, но уже обработана и зафиксирована, так что можно было вставать и двигаться.

Очевидно, кто-то вправил кости, обработал раны и наложил лекарства.

Тан Шаотан повернул голову и увидел А Цзю, сидящего за круглым столом в центре комнаты в непринуждённой позе: левая нога на табурете, правая вытянута. Он быстро орудовал палочками, с аппетитом поглощая еду.

Тан Шаотан, как обученный убийца, был чуток к запахам пищи, но сейчас не чувствовал ничего особенного.

Те, кого Павильон Радужных Одежд считал целями, обычно были богаты или знатны, посещали роскошные места и ели изысканные блюда. В еде А Цзю не было ничего из знакомых ему ароматов.

Что ж, возможно, он просто не был знаком со вкусом бедности.

А Цзю:

— ?

Взгляд, задержавшийся слишком долго, был понят превратно. А Цзю внезапно повернулся:

— Проснулся? Хочешь есть? Если хочешь — скажи что-нибудь.

Тан Шаотан:

— ...

Спасибо, не хочу.

Они молча смотрели друг на друга, как вдруг А Цзю молниеносно протянул палочки и швырнул куриную ножку в лицо Тан Шаотана.

Тан Шаотан, не раздумывая, поднял руку и поймал ножку пальцами. Держа её, он безучастно поднялся, огляделся и собрался уходить.

— О, руки уже двигаются? Тогда ешь сам. Взрослый мужчина — неужели я должен тебя кормить?

А Цзю отложил палочки, набрал полную миску риса, тщательно утрамбал, добавил немного мяса и овощей, затем снизошёл до того, чтобы подойти к Тан Шаотану и высокомерно протянуть миску.

— Держи.

Тан Шаотан:

— ...

— Не возмётся — вылью тебе на лицо, — с раздражением пригрозил А Цзю.

Тан Шаотан посмотрел на огромную миску с едой, не отличавшуюся ни цветом, ни запахом, ни вкусом, и слегка приподнял ресницы, похожие на вороньи перья.

А Цзю:

— ?

Тан Шаотан протянул руку, но не за миской. Вместо этого он схватил запястье А Цзю, потянул его ближе и быстрым движением нажал на несколько важных точек.

А Цзю:

— !

Он широко раскрыл глаза, не веря, что ещё недавно беспомощный раненый может так действовать, и смотрел, как миска с рисом опрокинулась на одеяло, рассыпавшись белоснежной кучкой. Куриная ножка и овощи соскользнули с простыни и упали на холодный пол.

Тан Шаотан даже не взглянул на него. Хромая, он встал с кровати, взял висевшую на стене одежду и меч А Цзю у двери, затем направился к выходу.

За дверью его встретил холодный ветер, и он вздрогнул, придя в себя.

Если Павильон Радужных Одежд или Павильон Ушоу узнают, что он жив, они непременно пошлют убийц, и охота будет продолжаться до конца. Годы тренировок научили его уничтожать все следы.

И среди этих следов, естественно, были и те, кто знал о нём.

С этой мыслью он обернулся, чтобы посмотреть на А Цзю, застывшего у кровати.

Тот, шумный и красивый, сердито смотрел на него.

— Эй, ты злом за добро платишь! Не заплатил, так ещё и меч с одеждой украл! — А Цзю, обездвиженный, к счастью, не лишился дара речи, и это не мешало ему громко кричать.

Тан Шаотан уже переступил порог, высунув половину тела наружу, но, услышав это, остановился, затем вернулся обратно.

Он быстро подошёл к кровати и бесстрастно уставился на А Цзю.

<http://bllate.org/book/16258/1462438>